

AD NOTEM

Гл. редактор
Горяинов А.Е.

Редактор
Виолован К.Е.

Консультанты
д.ф.-м.н.
(ядерная физика)
Ольховский В.С.
д.б.н.
(биология)
Сидоров Г.Н.
к.г.-м.н.
(геология)
Лаломов А.В.
(биохимия)
Виолован К.Е.
(физика земли)
Головин С.Л.

Литературный редактор
Евдокимова Н.А.

Корректор
Серебрянская В.А.

Набор и верстка
Головко А.А.

Адрес редакции
95011 Симферополь
«Момент Творения»

Права защищены.
Любое использование
материалов или
фрагментов из них
может быть только с
наличия разрешения
редакции.

Редакция не всегда
разделяет точку зрения
авторов.
Ответственность за
достоверность
информации несет
автор публикации.
Рукописи не
рецензируются и не
возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ

2
Дарвинизм. Критическое исследование.
Глава 3.

проф. Н. Я. Данилевский

ДАРВИНИЗМ. КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Глава 3.

КРИТИКА ОСНОВАНИЙ ДАРВИНОВА УЧЕНИЯ

Распространение выводов, полученных из наблюдений над домашними живот- ными и растениями, на организмы ди- кой природы.

Заключения от изменчивости домашних организмов к таковой же у диких.

1) **Сильная степень изменчивости — прирожденное свойство домашних организмов.** — Для животных необходимы для одомашнения способность размножаться в домашнем состоянии и способность приручаться, как предварительный условия. — Слабая изменчивость некоторых видов зависит от их прирожденных, свойств, а не от характера подбора. — Гусь. — Павлин. — Фазаны. — Аргус. — Попугай. — Для растений изменчивость составляет необходимое предварительное условие для выбора и еще более для укоренения их в культуре. — Кизил и черешня. — Груша и крымская рябина. — Способность выносить разные климаты.—

2) **Условия одичания.** — Невозможность отличить многие одичавшие культурные растения от действительно диких - опровергает Дарвина. — Корсиканский олень. — Сбивчивость понятий Дарвина об условиях одичания и неосновательность, его требований. — Разбор гипотетического примера капусты. — Приписывая возвращение к дикому типу внешним влияниям, он противоречит своему положению о невозвращении старых форм. — Золотые рыбки. — Общие выводы об одичании.

[\[*18\]](#) Золотая рыбка принадлежит к роду карасей.

[\[*19\]](#) Cuv. Et Valene. Hist. Nat. des poissons. XVI, p. 107, 120.

[\[*20\]](#) Прируч. живот. и возд. раст. II, стр. 65-67 и 68.

[\[*21\]](#) The clematis by Th. Moure and Gerge Jackman. P. 19 и 95.

[\[*22\]](#) Orig. of spec. VI, p. 65.

[\[*23\]](#) Прируч. животн. и возд. раст. II, стр. 213.

[\[*24\]](#) Прируч. животн. и возд. раст. II, стр. 220.

[\[*25\]](#) Прируч. животн. и возд. раст. II, стр. 236.

[\[*26\]](#) Orig. of spec. VI, p. 26.

[\[*27\]](#) Orig. of spec. VI, p. 65.

[\[*28\]](#) Orig. of spec. VI, p. 82.

© Институт славянских исследований им. Н.Я.Данилевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [*1] Darw. Orig. of spec. VI, p. 13.
- [*2] Прируч. живот и возд. раст. II, стр. 239.
- [*3] Прируч. живот и возд. раст. I, стр. 299.
- [*4] Decaisne. Jardin fruitier du Museum. Vol. 1.
- [*5] Alph. Decandole. Origine des plantes cultivees, p. 266 и 267.
- [*6] Прируч. живот. и возд. раст. II, стр. 34-35.
- [*7] Прируч. живот. и возд. раст. I, стр. 304.
- [*8] Прируч. живот. и возд. раст. I, стр. 119.
- [*9] Прируч. живот. и возд. раст. II, стр. 32.
- [*10] Прируч. живот. и возд. раст. II, стр. 35.
- [*11] Alph. Decandole Origine des plantes cultivees, p. 272.
- [*12] Quatrefage. L'espece humaine. V edit. 1879 p. 71.
- [*13] Прируч. животн. и возд. раст. II, стр. 34.
- [*14] Orig. of spec. VI ed, p.11.
- [*15] Orig. of spec. VI ed, p. 6.
- [*16] Orig. of spec. VI ed, p. 292.
- [*17] Прируч. живот. и возд. раст. II стр. 198—204 и 244—247.

3) **Появление полезных изменений у диких организмов, по аналогии с появлением таковых у домашних.** — У домашних норму изменчивости дают большей частью не вкусы любителей, а, наоборот, случающиеся изменения определяют эти вкусы. — В случаях полезных изменений определенная норма достигалась прямым влиянием культуры.

4) **Превосходство результатов естественного подбора над результатами искусственного.** — Неосновательность приводимых, в пользу этого доводов. — Большая продолжительность времени, — единственное преимущество, могущее быть признанным на стороне природы. — Время само по себе ничего не производит. — Сравнение с лотереей, с машиной и с армией, — Окончательные выводы.

В двух предыдущих главах я изложил, основания Дарвинова учения и установил взаимные отношения между главными его факторами. Эти основания группируются самым естественным образом в четыре категории доводов, последовательно комбинирующихся в логическое построение этого учения: во-первых из наблюдений над домашними животными и возделанными растениями выводится, что изменения постепенные, неопределенные и неограниченные (до известной степени), передаваемые наследственностью, сортируемые и накапливаемые искусственным подбором, — производят такие различия в формах, которые, если бы были встречены в природе, считались бы различиями не только видовыми, но иногда даже родовыми. Во-вторых доказывается, что имеется полное право выводы, полученные из этих наблюдений, распространять и на организмы живущие на лоне вольной природы. В-третьих, что действительно не только происходят и существуют в природе изменения аналогические с теми, которые представляют нам домашние животные и растения, но что характер этих изменений, этих различий таков, что приводит к заключению, что виды образовались в природе тем же точно путем, которым образовались и образуются разновидности, что эти последние суть следовательно начинающиеся виды. Наконец, в-четвертых, что все эти изменения диких животных и растений, какого бы ни было объема и значения, т. е. степени (разновидностные, видовые, родовые, отрядовые и т. и.), происходят вполне аналогическим путем с происходящими в домашних животных и растениях, т. е. также путем подбора, который проявляется во всеобщем факте борьбы за существование.

Но критическая проверка этих четырех разрядов доказательств, в этом их естественном порядке, была бы однако же на деле неудобна; ибо изменчивость, наследственность и подбор как у домашних, так и у диких животных

и растений, во избежание напрасных повторений, а главное во избежание перерывов в ходе идей — гораздо лучше излагать в непосредственной последовательности одно за другим; а потому, приняв за доказанное все выводы Дарвина относительно первых (т. е. одомашненных организмов), сначала приступим к проверке того, допустимо ли, и в какой мере, распространение этих выводов и на вторые (т. е. дикие организмы), т. е. к проверке второй и третьей категории доводов, а затем уже перейдем к первой и четвертой.

На доказательства правильности заключений от изменчивости домашних организмов к таковой же у диких Дарвин не особенно напирает, вероятно предоставляя себе развитие их в одном из будущих своих сочинений, подобно тому, как сделал это относительно изменчивости, наследственной передачи, гибридизации и подбора домашних организмов, но, к сожалению, не успел исполнить этого; тем не менее он очевидно сознает необходимость пополнить этот пробел и вкратце делает это. Эти доказательства следующие:

1) Сильная степень изменчивости, замечаемая у домашних животных и растений, не составляет какой-либо особенности видов, подпавших под зависимость человека, а есть общее, хотя и в различной степени присущее всем видам вообще свойство, совершенно независимо от их прирученности или дикости.

2) Одичание домашних животных и растений не ведет к возвращению их к первоначальному типу, от которого приручение и возделывание их отклонило, что необходимо должно бы случаться, если бы этот тип обладал особенной устойчивостью, как бы упругостью, в сущности не побуждаемой теми неестественными условиями, в которые вид был поставлен, и которые должны бы воспрянуть с удалением не допускавших до сего, препятствий.

3) Если между изменениями домашних животных и растений часто встречаются полезные для человека, то было бы весьма необычайно, если бы у диких организмов не случалось от времени до времени изменений, полезных для них самих.

4) Если накоплением изменений домашних организмов слабыми усилиями человека достигаются результаты столь поразительные, то каких нельзя ожидать результатов от могущественной деятельности природы в том же самом отношении?

Все эти положения надо нам проверить.

4) Сравнение могущества влияния человека с влиянием природы на изменения и подбор, с одной стороны домашних, а с другой диких животных и растений, не говорит в пользу большей действительности природных действий. В самом деле, в единственном пункте, в котором преимущество природы неоспоримо, т. е. в большей продолжительности времени, находящегося в её распоряжении, преимущество это совершенно уничтожается большей медленностью природного действия, увеличением по мере удлинения времени числа неблагоприятных шансов в сильнейшей степени чем благоприятных, и, наконец, тем, что большая напряженность и продолжительность действий природы вовсе не может служить ручательством образования тех сложных комбинаций, которые производят искусственный подбор, действующий с более или менее ясно сознанными намеренностью и расчетом, и который поэтому может по справедливости быть приравнен к тому, что мы называем машиной.

Теперь разберем, верны ли те факты, которые, по мнению Дарвина, представляет нам природа, для заключения по ним о деятельности в сфере её тех же или подобных агентов, которые привели к изумительным результатам в мире домашних животных и растений, приписываемым Дарвином искусственному подбору.

боевых сил, оставался победителем, и в свою очередь побуждался сделавшим в этом деле еще случайный шаг вперед; — но все это непременно без малейшего участия мысли и сознания цели, а только одним повторением ряда побед, происходивших вследствие случайного применения означенного принципа расчленения и взаимной поддержки расчлененных частей. После этого можно утверждать, что природа могла бы составить паровую машину, которая далеко не так хитро устроена, как большинство организмов, на том основании, что проявления расширительной силы пара в природе несравненно могущественнее, чем в руках человека; ибо ей, например, приписывают землетрясения, которые бывают чувствуюемы (Лиссабонское) на сотни тысяч квадратных миль; и еще на том, что природа имеет много времени для производства своих случайных комбинаций явлений упругости пара. Очевидно, что никакая продолжительность времени не заменит тут разумной намеренности. Совершенно то же самое относится и к искусственному подбору, сравнительно с естественным, ибо первый есть машина — целесообразный механизм, в своем роде не менее сложный, чем самый лучший локомотив.

Итак, наш разбор вопроса о праве распространения выводов, сделанных из наблюдения над домашними организмами на растения и на животных, живущих вне подчинения человеку, приводит нас к заключениям отрицательным, а именно:

1) Домашние животные и растения, дабы соответствовать первоначальным потребностям первых их приручателей, должны были обладать изменчивостью в чрезвычайной степени, значительно превосходящей среднюю её норму.

2) При одомашнении несомненно проявляется стремление организмов возвращаться к своему видовому типу, а выставляемые Дарвином требования, посредством которых он желает избегнуть им самим признаваемых последствий этого факта для его теории, совершенно произвольны, неопределенны и сбивчивы.

3) Аналогии между появлением пригодных для человека изменений у домашних и появлением полезных изменений у диких организмов — провести нельзя, частью потому что не изменения домашних организмов прилаживаются к норме человеческого вкуса, а большей частью это бывает наоборот; частью же потому что большая доля собственно полезных для человека изменений домашних организмов носит на себе очевидный отпечаток прямого и определенного действия ненормальных жизненных условий, в которые они были поставлены приручением и возделыванием.

1) *Особенно сильная степень изменчивости составляла ли прирожденное свойство одомашненных животных и растений, обусловившее их приручение?* — Вот собственные выражения Дарвина относительно этого пункта. «Часто утверждалось, что человек избрал для одомашнения животных и растения, имеющих необыкновенно сильные прирожденные стремления изменяться и противостоять различным климатам. Я не оспариваю, что способности эти придали много цены большей части наших домашних произведений; но каким образом мог дикий человек знать, когда он впервые приручал животное, будет ли оно изменяться в последующих поколениях и будет ли выдерживать чуждые ему климаты? Разве слабая изменчивость осла или гуся и малая способность северного оленя выдерживать тепло, или верблюда холод, предотвратили их одомашнение? Я не могу сомневаться, что если бы другие животные и растения, в одинаковом числе с теперешними нашими одомашненными видами, и принадлежащие одинаково различным климатам и странам, были бы взяты из их природного состояния и *если бы можно было их заставить размножаться одинаковое число поколений под влиянием одомашнения*, они изменились бы в общем среднем результате столько же, сколько изменились и прародительские виды наших домашних пород.» [*1] Ту же мысль выражает Дарвин по другому случаю в другом своем сочинении: «Припомнив, что каждое растение было возделано вначале потому что его находили полезным для человека, а изменения его происходили позднее и часто даже гораздо позднее, мы увидим невозможность объяснить наибольшее разнообразие в измененных частях предположением, что уже первоначально выбирались виды, одаренные склонностью изменяться каким-нибудь особенным образом... Отсюда мы можем заключить, что при помощи продолжительного подбора мы могли бы получить от каждого растения породы, также различающиеся друг от друга по какому угодно признаку, как они различаются теперь по тем частям, за которые растение это ценится и возделывается.» [*2]

Дело это не так легко и просто решается, как представлялось Дарвину. Чтобы основательно разобрать этот вопрос, мы должны рассматривать отдельно поводы к первоначальному одомашнению растений и животных. Мы увидим, что поводы эти, в рассматриваемом нами отношении, очень различны, хотя общие для тех и других и самый первый повод конечно заключается в том, чтобы животное или растение было полезно. Но при приручении животного в самом же начале вопрос об изменчивости его ставится на ту же доску, на тот же уровень, как и сама полезность его. Я разумею: 1) ту изменчивость в его природных нравах, которая в непосредственно ли приручаемом индивидууме (например, слон), или в его потомстве, позволяет ему привыкнуть к человеку, жить в тесном с ним общении; 2) ту, которая допускает животное свободно размножаться в домашнем состоянии. Не имей жи-

вотное этих двух свойств, или по крайней мере не представь оно, в очень скором времени, благоприятных изменений в этом направлении, то, сколько бы ни было оно полезно, приручение вида становится невозможным, а следовательно невозможна будет и вся та изменчивость форм, которая является уже его результатом. А так как отсутствие способности изменяться именно в этом направлении во многих случаях несомненно, что сейчас докажем многими примерами, то вообще вывод из изменчивости домашних животных о таковой же диких совершенно неправилен; ибо очевидно, что наибольшую изменчивость представляют те виды, которые уже были первоначально одарены способностью к изменчивости в особенно сильной степени по двум означенным направлениям её. Поэтому включать условие, подчеркнутое в первой выписке, по законам логики Дарвин не имел никакого права, ибо это составляет уже предрешение вопроса и всему его доказательству придает следующую ничего не доказывающую форму: что если бы другие животные в одинаковом числе и пр. ... были бы взяты из природного состояния и *были бы в одинаковой степени изменчивы с теми, которые действительно были взяты*, то в общем и среднем результатах они изменились бы столько же, сколько изменились прародительские виды этих последних. Это не более как тавтология, в которую мы имеем полнейшее право обратиться Дарвиново рассуждение, потому что изменчивость в означенных направлениях есть необходимое предварительное условие всякой другой изменчивости в домашнем состоянии.

Сомневаться в том, что некоторые животные способны размножаться в домашнем состоянии, а другие неспособны — нет никакой возможности, и факт этот принимается самим Дарвином, как в своем месте было указано, например, относительно хищных млекопитающих, хищных птиц и относительно слона, который хотя и домашнее животное в Индии, а в прежние времена был и в Африке, но в домашнем состоянии не размножается, и вид остается не прирученным, хотя отдельные индивидуумы вида и приручаются. Сообразно этому, в домашнем слоне изменений, рас, пород и не наблюдается, да и быть их не может.

Но и в другом отношении, т. е. по способности привыкать к человеку, даже и при существовании способности размножаться в домашнем состоянии, животные весьма различны. Так, никакие усилия человека не могли доселе обратить фазана в настоящую домашнюю птицу, хотя он и принадлежит к куриному семейству вообще легко приручаемому, и хотя все виды фазанов со включением обыкновенного фазана (*Phasianus Colchicus*), и качеством мяса, и в особенности красотой далеко превосходят прародительский вид наших кур *Gallus Bankiva*. Все, чего могли достигнуть столетние, а может быть и тысячелетние усилия, ограничилось тем, что фазаны живут в парках,

остается неизменным, т. е. основная, коренная форма, раз каким бы-то ни было путем происшедшая. Это тем несомненнее, что проигрышные изменения (т. е. неудачные) не мгновенно погибают, а свой проигрыш переносят на выигрышные благоприятные изменения посредством скрещивания с ними, ибо неудачные гораздо чаще удачных. Если же предположить, что неучастие в этой природной лотерее есть уже само по себе проигрыш, т. е. что сохранение признаков становится невыгодным с изменением обстоятельств, то опасность гибели вида будет очень велика, а вероятность на его улучшение случайным выигрышем (благоприятными изменениями) очень мала. Напротив того при искусственном подборе лотереи, собственно говоря, нет — тут, если только произойдет благоприятное (для человека) изменение, выигрыш его уже обеспечен, намеренным устранением всех неблагоприятных шансов целесообразной деятельностью человека.

Посмотрим на это условие времени еще с другой стороны. Само увеличение шансов с увеличением времени оказывается чисто мнимым, ибо при искусственном подборе случившееся благоприятное изменение уже никак не пропадает, а сохраняется до появления нового такого же дальнейшего благоприятного изменения, соединяется с ним, и, следовательно, изменения непременно накапливаются. Уже при бессознательном искусственном подборе дело, по словам самого Дарвина, идет гораздо медленнее; при естественном же подборе, производимом чрезвычайно запутанным действием борьбы за существование, дело замедляется в тысячи и тысячи раз. Так что кака-нибудь сотня лет искусственного подбора будет соответствовать миллионам лет естественного подбора. Выигрыш, долженствующий проистечь от большей продолжительности времени умалется, следовательно, до ничтожества.

И это все еще при предположении, что естественный подбор может, хотя и гораздо медленнее, привести к тем же результатам, как и искусственный, — предположении в сущности вовсе не допустимом. В самом деле, что такое искусственный подбор? Он есть, в полном значении этого слова, хитро устроенная машина, ибо машину, в общем значении этого понятия, можно определить, *комбинацией природных элементов для произведения наперед рассчитанного действия*. Для сего вовсе не нужно, чтобы части машины находились в материальном, непосредственном соприкосновении между собой. Так мы говорим о государственной машине или об армии, как о машине военной. Можно ли себе вообразить, чтобы, например, сложное устройство новейших армий и их разделение на роды войск (пехота, кавалерия, артиллерия, инженеры), и каждого на правильные группы: рот, батальонов, полков и проч., могло произойти естественным путем подбора, т. е. тем, что тот народ, у которого случайно завелось несколько лучшее расчленение

характеров, то и человек, как с особенной силой настаивает на этом сам Дарвин, часто берет точкою исхода подбора едва уловимые признаки, подметить которые, по его словам, едва ли в состоянии один из тысячи.

з) Как мимолетны желания и усилия человека! Как коротко время, которым дано ему распорядиться и, следовательно, как бедны должны быть и результаты, в сравнении с накапливаемыми природой в течение целых геологических периодов [27], говорит Дарвин и этим заключением заканчивает ряд своих доказательств. Против этого конечно нельзя спорить.

Следовательно, на стороне деятельности природы в этом отношении, сравнительно с деятельностью человека, остается лишь большая продолжительность времени. Но время, как время, само по себе, не имеет ни малейшего значения и ровно никаких изменений не производит. Кому не известно, что, говоря о влиянии времени, мы выражаем этим не более как метафору, столь всем известную, что она и разъяснения никакого не требует. Это не только Дарвину, без всякого сомнения, известно, но даже и прямо им высказано: «Одно продолжение времени, само по себе, ничего не производит, ни в пользу, ни против естественного подбора. Я определенно выражаю это, потому что ошибочно утверждалось, что я будто бы принимаю, что элемент времени играл всемогущую роль в изменении видов, как если бы жизненные формы необходимо подвергались изменениям по некоторому прирожденному им закону. Продолжительность времени важна лишь настолько — и в этом отношении важность его огромна — что она дает больше вероятий происхождению благоприятных изменений и их подбору, накоплению и установлению (фиксации)» [28]. Значит все дело в увеличении вероятностей, и если бы речь шла об обыкновенной лотереи, то, конечно, чем большее число раз я могу вынимать билетик из урны, тем более увеличиваются мои шансы на выигрыш. Но ведь тут, в вопросе об изменчивости и о подборе, идет история совершенно особого рода. В обыкновенной лотерее только два рода билетиков: выигрышные и невыигрышные; здесь же, кроме того, есть еще и билеты прямо проигрышные. Представим же себе лотерею, при которой мне может выпасть №, дающий 1.000 р. выигрыша, №, при котором я ничего не выигрываю, и №, при котором я проигрываю 1.000 рублей. Можно ли тогда будет сказать, что при увеличении числа выниманий из урны увеличиваются шансы мои на выигрыш? Без сомнения нет. А если этих проигрышных (не невыигрышный только, а прямо проигрышных) билетов несравненно больше, чем выигрышных; то, очевидно, что чем чаще я буду играть в такую лотерею, тем в сильнейшей пропорции рискую проиграть свое состояние. Продолжая нашу аналогию, можем сказать, что здесь собственно вынимают билеты случающиеся неопределенные изменения, и очевидно в выигрыше остается то, что билетов вовсе не вынимает, то, что

т. е. в огороженных рощах и лесах с весьма разнообразной растительностью, которых они не стремятся, да и с трудом могут покинуть, потому что и в природном состоянии редко и дурно летают. Если за это считать фазана домашней птицей, то с таким же правом можно бы считать домашними и разные виды оленей, содержимых в парках, и даже самого зубра. Неспособный к приручению фазан оказался сообразно этому и малоизменчивым, также точно как и товарищи его по паркам разные олени, каковы: благородный олень (*Cervus Elaphus*), Дама (*Cervus Dama*, неправильно иногда называемый ланью, что собственно означает самку благородного оленя), дикая коза (*Cervus Carpeolus*).

Также точно, если лошади и ослы были приручены в незапамятные времена, т. е. народами, находившимися еще на весьма первобытной ступени образования, то почему же зебры и кваги не были приручены дикими народами южной Африки, между которыми, положим, Готтентоты и Бушмены находятся на столь низкой ступени, что можно допустить неспособность их к этому, но Кафры представляют для диких весьма высокую ступень развития, позволяющую им не без успеха воевать с всемирными цивилизаторами — Англичанами, и даже побеждать их, а прежде с Голландцами. Трудно приписать это чему-либо другому, кроме прирожденной неприручивости, а следовательно и неспособности к изменчивости южно-африканских лошадиных видов. Тоже должно сказать и об азиатском диком лошадином виде — *Equus hemionus*.

Для животных этой стороной изменчивости, допускающей их приручение и размножение в домашнем состоянии, действительно и ограничиваются требования человека, если только животное полезно. В дальнейшей изменчивости животных человек, собственно говоря, не нуждается, пока его потребности ограничиваются извлечением из животного пользы, а не переходит в область изящного, — вкуса, или причуды. Так, в числе прирученных животных есть и малоизменчивые, но очень полезные — например, гусь, постоянство которого опять таки нельзя ничему иному приписать, как природной неподатливости. Желая избегнуть этого вывода, который конечно ослабил бы все его заключения от домашних животных к диким, Дарвин старается приписать неизменчивость, например, гуся, характеру подбора, которому подвергалась эта птица. Он говорит: птицы, распадающиеся на много пород, ценятся большей частью ради украшения или забавы, «но никто не вздумает держать для этой цели гуся. Самое название его составляет на многих языках бранный термин. Гусь ценится за величину и вкус, за белизну перьев, за плодородие и добродушие. Во всех этих отношениях домашний гусь отличается от дикого — и это единственные статьи, к которым был применен подбор». [3]

Значит, попадись только гуси в руки любителей-причудников, и мы имели бы гусей с павлиньими хвостами, с расписными перьями, с хохлами на голове, имели бы гусей карликовых в роде бентамок; попадись они в руки любителей птичьих боев — у них развились бы шпоры, или другое какое-нибудь орудие. Но ведь объяснение это более чем странно и совершенно произвольно. Ведь и кур без сомнения сначала никто для красоты не держал, а только для пользы, т. е. для мяса и яиц, на что гусь столь же пригоден, как и куры, да сверх того обладает еще полезными перьями и пухом. Но у кур, при содержании только для пользы, появились разные замечательные особенности, которые привлекли на себя внимание любителей, встречающихся, по словам Дарвина, у самых диких племен; ну, их и старались сохранить, а бессознательным подбором удалось и накопить. А у гуся этого рода особенностей именно и не появилось, потому что он не изменчивый вид. Если же бы они появлялись и у гусей, то какой бы был расчет также точно не сохранять и не накапливать их, как и у кур? Тогда и гусь точно также сделался бы любительской птицей. Очевидно, что Дарвин перепутывает тут причину и следствие: не потому остался гусь неизменным, что не попал в число любительских птиц, ценимых за красоту и странности форм и оперения; а потому не сделался любительской птицей, подобно голубям и курам, что был и остался неизменчивым по природе своей. Наконец Дарвину неизвестно, что гуси служат, или по крайней мере служили в России для такой же точно забавы, как петухи в Англии. Я знаю, что в Ельце купцы охотники платили по сотням рублей за хороших гусаков-драчунов. Бой состоял в том, что гуси захватывали друг друга за крыло, мяли и кусали его до крови в течение целых часов. Победителем оставался тот, который долее не отступал, со стоическим терпением, как Муций Сцевола, вынося боль. И все же никакой особенности в строении через это не образовалось. У гусей клюв с роговыми пластинками, как бы зубами, — но эти зубы не окрепли, не увеличились, что давало бы такой породе перевес в боях; плечевые части крыла не покрылись каким-либо твердым роговым щитом, что дало бы им возможность долее выдерживать боль; одним словом ни наступательного, ни оборонительного оружия у них не произошло, и не усилились существовавшие, как бы то следовало по требованиям искусственного подбора. Также, если гусь у иных народов до того презирался, что имя его служит бранным словом, то зато у других так уважался, что посвящался высшим богествам, за что гуси и отплатили спасением Капитолия, но все-таки не изменились.

Но пусть гусь по недостатку красоты не попал в руки любителей и потому не изменился; то уже конечно фазаны и павлины должны бы были попасть в их руки, но и они остались неизменными и для любителей недоступными. Для павлина есть отговорка, что ему европейский климат неблагоприятен.

е) Человек не уничтожает всех худших животных, но охраняет все произведения свои, насколько в состоянии это сделать, в течение каждого изменяющегося времени года, тогда как природа в этом отношении безжалостна. — Это уже всего удивительнее слышать от Дарвина. Если это так, то в чем же состоит искусственный подбор? Не говоря уже о подборе методическом, при котором допускаются к спариванию только избранные животные — и, следовательно, совершенно безразлично, остаются ли в живых или нет к размножению не допускаемые — в чем же и состоит бессознательный подбор, как не в большем сохранении хороших пород и особей сравнительно с дурными? Как бы стали садовники выдергивать не подходящие под образец растения (rogues) из грядок, если бы человек доставлял всем своим произведениям одинаковую охрану и защиту? Ведь эти не подходящие под образец растения — не сорные травы какие-нибудь; а ими же посеянные цветы или овощи. Или что такое королевские указы об уничтожении в Англии лошадей ниже известного роста? Что значит, наконец, приводимый Дарвином ответ лорда Риверса на вопрос: «каким образом ему всегда удается иметь первостатейных борзых?» ответ, в котором как бы заключается весь секрет подбора «я развожу много и многих вешаю». [*25] Не Дарвин ли пишет: «Если существуют дикари столь грубые что никогда не думают о наследственных свойствах своих домашних животных, тем не менее, однако же, всякое животное, особенно для них полезное для какой-нибудь цели, было бы тщательно сохранено во время голода, или при других несчастных случайностях, которым так подвержены дикие, и эти избранные животные оставят потому более многочисленное потомство, нежели худшие. [*26]. Ведь и природа действует не радикальнее английских королевских указов и дикарей, а образованные нации и в особенности любители, типом которых может служить лорд Риверс, действуют уже гораздо радикальнее и решительнее. В чем же преимущество природы перед человеком и в этом отношении?

ж) Человек часто начинает подбор с какой-нибудь полууродливой формы, или, по крайней мере, с изменения достаточно выдающегося, чтобы обратить на себя его внимание; а в природе самое легкое отличие в строении или конституции организма может перетянуть чашку тонко уравновешенных весов в борьбе за жизнь, и быть таким образом сохранено. — Но ведь речь идет не о качестве; или достоинстве естественных и искусственных отличий, а о количественном между ними различии; следовательно исхождение человеком часто от полууродливых форм (т. е. с сильных отклонений от типа) может только усилить, а не ослабить эту сумму различий. Что же касается живучести таким образом происходящих пород, как, например, Ниатского скота, то человек и охраняет их искусственно, находящимися в его руках могущественными средствами. Что же касается до мельчайших

Трудно понять настоящий смысл и этого доказательства: кормление столь различных, например, голубей одинаковым кормом, должно ли иметь вредное влияние на их организм? Но опыт показывает, что такого вреда не оказывается? Или свойства одних кормов содействуют удлинению клювов, а других их укорачиванию? Но такое утверждение было бы совершенно произвольно и, во всяком случае, относилось бы к прямому и определенному действию внешних условий, а не к подбору. Или, наконец, сама необходимость питаться длинноклювым одного рода кормом, а короткоклювым кормом другого рода, обуславливала бы известную форму борьбы за существование и, следовательно, служила бы причиной подбора, все усиливая и усовершенствуя эти качества по закону расхождения характеров? Но человек с избытком заменяет это своим тщательным, до мелочности изощренным вниманием к каждому отклонению в сторону удлинения или укорачивания клювов. Так что ни с какой из этих трех точек зрения невозможно усмотреть преимуществ на стороне природы. Что же касается вообще до неупражнения каждого подобранного характера, то все известные факты говорят совершенно противное. Человек часто упражняет их гораздо энергичнее и целесообразнее, чем природа. Производя быстрых лошадей, он беспрестанно испытывает и упражняет их быстроту, отмечая малейшие в ней оттенки и принимая их во внимание при подборе; производя массивных ломовых, упражняет их в возке огромных тяжестей и увеличивает вес их, по мере появления более сильных лошадей путем подбора, а вместе с тем усиливает и дачу корма. Между тем в природе почти все лошади ведут одинаковый образ жизни. Выносливость верблюда, способность его выносить жажду, при переходе караванами необозримых пустынь, упражняется в гораздо большей степени, чем она упражнялась, когда верблюд оставался в диком состоянии. При этом обнаруживает свои действия и борьба за существование, или лучше сказать жизненное состязание, потому что, очевидно слабейшие верблюды устилают костями своими пути караванов преимущественно перед сильнейшими и выносливейшими, что при естественном образе жизни, имело бы место в гораздо слабейшей степени, и борьба была бы не столь напряженной, ибо верблюды не пускались бы слишком вглубь безводных и безкормных пустынь.

д) Он не позволяет сильнейшим самцам бороться из-за самок. — Правда, но зато сам выбирает для них сильнейших, здоровейших самцов, и, следовательно, сила эта передается потомству — в тех случаях, когда имеется ввиду именно сила; а в других случаях избирается другое качество. Следовательно, природа стремится передавать наследственностью одну силу, что и человек делает, когда нужно; но передает подбором самцов и другие качества, что, очевидно, увеличивает разнообразие и усиливает изменчивость, а не ослабляет ее.

Но ведь куры из той же Индии происходят, как и павлины; да почему же бы и в самой Индии не найдись любителям и даже причудникам? Ведь нашлись же они для голубей, хоть, например, в лице Великого Могола Акбара? И почему бы не найдись им между Китайцами, которые по любительству и причудливости вкусов и самим Англичанам не уступят? Посмотрите, что сделали они с теми же курами, а еще более с золотыми рыбками. Почему бы им, например, не попробовать своего терпения и искусства, которых им не занимать стать, над таким великолепным объектом, как аргус, если бы только он был в некоторой степени податлив? Почему наконец не появилось домашних разновидностей между попугаями, содержимыми в столь неестественном состоянии — в клетках, и цивилизованными народами, и туземными дикарями, между которыми даже есть любители-причудники, как видно из того, что они даже производят над попугаями некоторые операции для изменения цвета их перьев? Если бы попугаи обладали одинаковой степенью изменчивости с голубями или курами, например, как было не применить хотя бы бессознательного подбора к их способности подражать человеческой речи, способности отлично известной Американским дикарям, как это видно из знаменитого примера попугая, оставшегося единственным представителем, говорившем, на языке исчезнувшего племени?

Очевидно, что главное и существенное дело — прирожденная изменчивость — принадлежит к видовому характеру, и что домашними сделались те из полезных животных, которые обладают этим свойством, этой видовой особенностью в высшей степени. Изменчивость животных, в двух по крайней мере отношениях, составляющих необходимое предварительное условие приручения, служит уже ручательством за изменчивость их и в прочих отношениях.

В растениях выказывается это еще в сильнейшей степени. В самом деле, для одомашнения растения также необходимо, чтобы оно способно было существовать при условиях человеческой культуры, жить вне своих обычных условий. Но обстоятельство это не представляет большой важности, ибо только немногие растения выказывают в этом отношении особую прихотливость, как альпийские и солончаковые виды, и как напр., знаменитый своею красотой и необычайностью формы благородный ревень (*Rheumobile* Hook), который только после многих попыток, при всех материальных средствах, при опытности и знании заведующих ботаническим садом в Кью, удалось кое-как заставить там жить. Но с другой стороны какая нужда беспечному и ленивому дикарю брать на себя труд культуры, хотя бы и самой первобытной, растения, которое при этой культуре не выказывает никаких улучшений сравнительно с своими дикими братьями, хотя бы само по себе оно было очень полезно? Не гораздо ли и легче, и приятнее, и сообраз-

нее с привычками не только дикаря, но даже оседлого жителя, отправиться в лес собирать дикie ягоды, орехи и плоды, чем совершенно напрасно возиться с их культурой: садить, пересаживать, размножать, поливать и т. п., без всякого особенно полезного результата? Другое дело с животным; если оно полезно и настолько изменчиво, что приучается размножаться в домашнем состоянии, то это — все, что нужно; ибо этим достигается та выгода, что животное можно иметь всегда под руками, тогда как в природе оно или только временами появляется, или очень трудно, да и не всегда возможно его добыть, когда чувствуется в нем потребность. Кроме того, животные, служащие для работы или езды, только в прирученном состоянии и могут оказывать пользу. Тут дальнейшее улучшение было бы уже роскошью, а не существенной необходимостью. Растение же, если оно при возделывании не изменяется, не улучшается, то в глазах дикого человека не имеет никакого преимущества перед диким, даже имеет сравнительно с ним невыгоды, ибо принуждает к тягостному, непривычному, неприятному труду.

Но каким образом мог дикарь знать, начиная возделывать какое-нибудь растение, что оно будет изменчиво в полезном для него смысле? Знать этого он не мог, да в этом знании и не предстояло надобности; достаточно того, что не улучшающиеся растения забраковывали, переставали возделывать, так что они и не одомашнились, или одомашнились в очень слабой степени, именно потому, что были неизменчивы по свойствам своим. Наконец, изменчивость могла появляться, и без сомнения появлялась в самой природе. Между многими дикими грушами или вишнями могло встретиться одно дерево с особенно крупными или вкусными плодами, и пересадить его была достаточная причина. В лесу его могли другие срубить или обрывать плоды его раньше, чем успеет воспользоваться ими заметивший их особенные качества. Наконец, дающих такие лучшие плоды деревьев было одно или очень мало, и следовательно стоило их размножить, по мнению какого-либо наблюдательного и умного дикаря. А нахождение такого природного отличия в плодах уже было признаком изменчивости растения, сознавать которое для дикаря не было никакой надобности. Наконец тоже могло случиться при случайной пересадке или случайном выходе из семени растения, вблизи жилища дикарей, на удобренной различными отбросками почвы, и быть замеченным. Но и это могло случиться лишь с растением от природы изменчивым.

Сравнив дикую вишню или даже черешню с диким кизилом (*Cornus mascula*), всякий знакомый с ними согласится, что ягоды кизила гораздо вкуснее, и величиной не меньше черешен. Если бы польза была исключительной причиной выбора растений для возделывания, то кизил должен бы быть выбран преимущественно перед вишнею и черешней, и однако черешня

б) Человек подбирает только для собственного блага, природа же только для блага самого существа.

Но человек с избытком вознаграждает это тем, что он печется о благе тех, которых изменяет не в их собственную, а в свою пользу: припасает корм на зиму, охраняет от вредных климатических влияний, от врагов, лечит во время болезней, одним словом доставляет своим избранныкам несравненно большую охрану и больше удобств, чем могли бы это сделать изменения, сохраненные и накопленные природой к их собственному благу. Другими словами, произведенные человеком породы (хотя бы, в сущности, и невыгодные) одерживают более полную победу в борьбе за существование, чем могли бы её одержать породы в диком состоянии, при самых благоприятных изменениях, что неопровержимо доказывается большим размножением и распространением домашних животных и растений, сравнительно с дикими, вытеснением первыми последних в чрезвычайных размерах. Следовательно, что же препятствует им изменяться все дальше и дальше, так как человек по любви к новому поддержит эти изменения, каковы бы они ни были в сущности, доставить им победу, и с этой точки зрения в чем же заключается преимущество природы?

в) Человек держит уроженцев разных климатов в той же стране, природа же — всегда в том климате, который соответствует им.

Доказательство странное, ибо с одной стороны, если человек подвергает, своих домашних животных и свои возделанные растения весьма различным климатическим влияниям, то этим самым содействует их изменчивости в гораздо большей степени, чем природа; с другой же — вред, могущий произойти от сего для организмов, устраняется уходом, теплыми помещениями на зиму, лучшим и обильнейшим кормом и т. д. Кроме того, даже почти всегда он разводит свои породы в благоприятных для них климатах, так, например, тонкорунных овец в степях южной России, а длинношерстных, доставляющих лучшие и самые теплые полушубки — Романовских — в Ярославской губернии. Мало того, нередко человек ставит животных в лучшие климатические условия, чем это сделала сама природа, как это часто доказывает сам Дарвин, приводя примеры необычайного размножения лошадей и рогатого скота в пампасах Ю. Америки и овец и рогатого скота в Австралии, разных растений, вытесняющих туземные в Ю. Америки, Австралии и Новой Зеландии.

г) Человек редко упражняет каждый подобранный характер каким-либо особенным и приличествующим ему способом, кормит длинноклювого и короткоклювого голубя тем же кормом и т. и.

а) «Человек может действовать только на внешние и видимые характеры; природа же, если мне будет дозволено олицетворить естественное сохранение, или переживание приспособленнейших, нисколько не заботится о внешности, разве только если она полезна какому-нибудь существу. Она может действовать на каждый внутренний орган, на каждый оттенок конституционального различия, на весь жизненный механизм». [*22]

Конечно, человек может действовать только на ощутительные для него изменения, т. е. на привлекающие чем-нибудь его внимание, но так как, если и не все, то огромное большинство внутренних изменений чем-нибудь да проявляется наружу; то и несправедливо, чтобы он мог действовать только на внешние признаки в тесном смысле этого слова. Так, например, появляется ранняя или поздняя разновидность какого-нибудь плода — разве это внешнее свойство, а не зависящее от внутренней конституции растения? Появляется порода винограда, лучше сопротивляющаяся филлоксере или оидиуму; человек может подбирать эти свойства и со временем, может быть, образовать выносливую породу; — разве это внешний характер? Происходит лошадь, конечно в соответствующей сему породе, с необычайной силой и массивностью мускулов, и постепенным накоплением изменений, повторяющихся в этом же направлении, образуется Английская ломовая лошадь, у которой: не только мускулы, но и кости конечно получили очень сильное развитие; разные их бугорки и гребни увеличились, расширились, возвысились, связки окрепли, сочленения углубились, или иначе усовершенствовались — внешние ли это изменения?

Так же точно, не допуская до летания, убивая преимущественно перед другими пытающихся летать, он уменьшает кости крыльев и гребень грудной кости у своих кур и уток; — разве это будут внешние признаки? Курица отучается сидеть на яйцах и не перестает весь год класть их: значить изменились инстинкт её и физиологические отправления; — внешнее ли это изменение? Врейт говорит: «Новейшие заводчики совершили большие улучшения в анатомии плеча Кеттонских короткорогих быков и коров тем, что исправили недостаток в суставе, или плечевой связке и вложили головку плеча более плотно в лопатку, наполнив таким образом пустоту позади неё.» [*23] Неужели же и это внешнее изменение? Оно непосредственным образом наружу даже вовсе и не проявляется. Что такое кувырканье турманов на воздухе или даже на полу, как не результат какой-то внутренней нервной болезни? — Желтые коконы шелковичного червя обращены в белые, «свекловица стала, со времени возделывания её во Франции, давать вдвое более сахара, чем прежде» [*24], значит изменился химический состав её соков, что уже никак не внешний характер.

есть одно из первейших наших плодовых деревьев, а на кизил мало кто внимание обращает. И в самом деле, дикий кизил ничем не уступает культурному; зачем же его культивировать? Житель города или селения может видеть достаточно для этого побуждений в том, чтобы иметь его всегда близко около себя в своем распоряжении, тогда как в лес пожалуй не пустят, если он чужой. Но для крымского татарина какая же нужда держать его в саду, где он только напрасно собою место занимает? И все это потому, что кизил по природе своей малоизменчивый вид: ягоды его изменились в цвете — есть и желтый кизил, но от этого он не стал ни вкуснее, да и не красивее; также увеличилась крупнота ягод, но собственно вкус крупного кизила хуже, чем у обыкновенного лесного и менее ценится для варенья — почти единственного употребления кизила. Сказанное о кизиле относится вполне и к мушмуле (*Mespilus germanica*), плоды которой только увеличились, но нисколько не улучшилась культурой, и к тому же в диком состоянии по вкусу (когда поспела, размякла, поздней осенью) гораздо вкуснее лесных яблок и груш. Но зачем же было ее возделывать? Кто сделал случайно такую попытку, тот и оставил ее, ибо неизменчивость мушмулы делала его труд напрасным. Хотя не в такой степени, но тоже самое относится и до айвы, сравнительно с грушей и яблоком. Весьма интересное подтверждение моего взгляда на этот предмет представляет одно замечание Декена [*4] на описание и рисунок одного плода, найденного Освальдом Гером (*Oswald Heer*) в свайных постройках Швейцарии, считаемого им за дикую грушу. Декен сомневается в верности этого определения, как по форме чашечки, так главным образом по однородности мяса, которое у всех груш, а в особенности у диких, отличается зернистостью строения и каменистыми крупинками, которые и в обуглившемся состоянии должны бы сохраниться даже преимущественно перед прочими частями. Поэтому Декен считает этот плод не грушей, а крымской рябиной (*Sorbus domestica*). Если это так, то нельзя не заметить, что дикая крымская рябина есть несравненно вкуснейший плод, нежели дикая груша, если только она размякла и мякоть её побурела, без чего ведь и дикая груша не съедобна. Культура ничего не прибавила к достоинствам этой рябины, и весьма естественно, что дикие обитатели свайных построек обратили преимущественное внимание на нее, а не на грушу, собирая плоды в лесах; но возделывать ее не стали, потому что она неизменчива и лесная столь же хороша, как и домашняя — зачем же трудиться? — и поэтому рябина, если и была принята в культуру, скоро должна была уступить место груше, которая быстро изменчива, и сверх того (как показали опыты Ван Монса и Декена, да и самый факт нахождения отличных сортов груш в лесах) дает хорошие и крупные плоды прямо от семян. Как только это было случайно замечено, понятно, что груши вошли в культуру и получили свое огромное значение, а крымская рябина осталась по прежнему диким деревом, как редкость иногда сажаемым в садах. Значит не природные видимые достоинства, не непосредственная поль-

за дикого плода, а так сказать её внутренние достоинства, выказывающиеся прирожденной ей изменчивостью, ввели грушу в культуру и возвели на стень первого плодового дерева.

Из этих немногих примеров, которые можно бы было значительно увеличить, совершенно ясно, что изменчивость растения должна была составлять, хотя и не абсолютно необходимое, но чрезвычайно важное условие, если не первоначального выбора, то во всяком случае укоренения его в культуре, что для нашей цели имеет одинаковое значение, ибо доказывает, что домашние растения (а по другим причинам и животные) должны были непременно обладать высшей степенью изменчивости, чтобы попасть в культуру, и что следовательно распространение, наблюдаемой в них степени изменчивости, на дикие виды вообще совершенно неправильно.

Но также как и относительно животных, можно представить примеры и растений, мало изменившихся в культуре, несмотря на чрезвычайно различные условия, которым они подвергались в течение долгого времени. Таков, например, *Cajanus indicus Sprengel*, чрезвычайно распространенная овощь тропических стран, про которую Альфонс Декандоль говорит: «Странная вещь — для вида распространенного на трех материках: разновидности его не многочисленны. Указывают на две, основываясь единственно на желтой или красной окраске цветов». Следуя учению Дарвина, он продолжает: «Небольшое число полученных изменений даже в том органе, ради которого растение культивируется, составляет признак не очень древней культуры». Но к этому совершенно основательно прибавляет «однако же это именно надо стараться отыскать». И из своих исследований заключает так: «В конце концов я сомневаюсь, чтобы вид был действительно диким в Азии и чтобы он находился там более 3000 лет (в культуре)». [5] Но сравнительно с другими растениями, времени этого кажется достаточно, чтобы произвести культурные разновидности, при том разнообразии условий, которым он должен был подвергаться в трех различных материках. Следовательно будет гораздо вероятнее заключить, что растение это не изменчиво по природе своей. Мне, может быть, поставят в противоречие, что с одной стороны я утверждаю, что изменчивость составляет одно из существеннейших свойств при выборе растений для культуры, а с другой сам выставляю, как бы в опровержение своей мысли, примеры неизменчивости культурных видов. Но противоречие это только кажущееся, ибо я не утверждаю, чтобы сильная способность к изменчивости была условием *sine qua non* для введения растения в культуру, а только что это есть весьма важное условие, одна из существеннейших причин принятия их в культуру преимущественно перед неизменчивыми видами. Иное растение могло быть принято в культуру, только по причине редкости его в природе, или спорадичности роста,

лись и усиливались подбором, но ведь без появления изменений подбор, по словам самого Дарвина, ничего произвести не может; а появились то они без сомнения под прямым воздействием означенных влияний, и им в значительной мере определелились и усилились.

Итак, в одном случае полезные изменения состояли в том, что сами эти изменения, каковы бы они ни были, приняты за нормы вкуса — нормы, в направлении которых должно было совершиться дальнейшее развитие; а в другом эти изменения в большинстве случаев были, очевидно, произведениями прямого, определенного, непосредственного действия внешних условий. Случаи же действительно полезных для человека индивидуальных изменений, случившихся в течение культуры, так сказать предложенных ему природой, независимо от его воздействия на домашние организмы, и которыми он воспользовался для подбора, — в сущности очень редки и немногочисленны. То же, следовательно, должно быть и в природе, если изменения организмов случайны. Полезность изменения есть весьма частный, редкий случай в числе бесчисленных безразличных и вредных. Это должны быть чрезвычайно редкие исключения, на которые рассчитывать нельзя, гораздо менее например, чем на обогащение владельца лотерейного билета выигрышем, потому что при лотерее на кого-нибудь выигрыш должен же ведь пасть — почему же следовательно и не на него, — а тут благоприятного изменения может и вовсе не произойти. Во всяком случае лотерея эта гораздо менее благоприятна, чем полагает Дарвин по аналогии с домашними организмами, ибо у этих последних она в значительной степени подтасована, шансы выигрыша преувеличены в огромных размерах, так как часто, что ни тираж, то и выигрыш, что ни появившийся признак, то и соответствие со вкусами причудликов; или же само лотерейное колесо так устроено (внешним непосредственным влиянием культуры), что выбрасывает преимущественно выигрыши: следовательно, на сколько же уменьшается вероятность его теории в применении к диким организмам, где нет ни этой подтасовки, ни этого особенным образом устроенного колеса!

4) *Результаты естественного подбора должны в чрезвычайной степени превосходить результаты искусственного подбора.* Полное, совершенно убедительное доказательство противоположного положения, т. е., что естественный подбор никогда не может достигнуть результатов искусственного подбора, могу я представить только впоследствии и притом во многих местах этого исследования, потому что должен буду разбирать именно этот вопрос, в котором собственно и заключается вся сущность дела, с разных точек зрения. Теперь же ограничусь частными возражениями на те доводы, которые выставлены Дарвином по этому предмету.

ливаются характером внешних влияний культуры, которому подвергаются организмы при приручении и возделывании. В самом деле, в чем заключаются главнейшим образом все отличия культурных огородных и плодовых растений? — в увеличении, утолщении полезных частей: корней, стволов (спаржа, брюквенная капуста, овощной ревень), листьев, цветочных головок (артишоки), плодов, семян; в увеличении нежности их ткани и переполнения соками, и весьма часто в ослаблении сильного специфического вкуса (цикорный салат), аромата (тепличный ананас, который говорят менее ароматичен, чем дико растущие, но зато гораздо сочнее). Но это все такие качества, которые необходимо должны происходить от углубления почвы, утучнения её удобрением, частой и обильной поливки. Напротив того культурой, так сильно увеличившей, например, размеры и форму цветов (махровостью — расширением и закруглением лепестков), ни одному от природы непахучему цветку не придано запаха, иначе как гибридацией с душистыми видами. Например, в некоторых разновидностях лозинки (*Clematis*), обыкновенно не душистых, разновидность *Fair Rosamund*, имеющая запах фиалки, получила его от естественного пахучего вида *Cl. Fortunei* [*21]. Также точно, особенно сильно действующие лекарственные и другие вещества не усиливаются культурой, исключая случаев переноски северного растения в южные страны, как, например, мака в Индию, где он дает больше процента опиума, что конечно зависит от непосредственного действия внешних условий. В этом отношении культура не только бессильна, но даже ухудшает дело, почему и предпочитают собирать лекарственные и вообще специфически действующие растения по лесам, горам и полям, например, знаменитый Персидский порошок, которого готовится не менее 40,000 фунтов в некоторых местах Эриванской губернии, получается сбором дикой Персидской ромашки (*Pyrethrum roseum* P. *carneum*) и меня уверяли, что, будучи возделываема в садах она много теряет из своих свойств. Говоря это, я вовсе не имею в виду доказывать, что культурой и подбором невозможно достигнуть таких-то, или таких-то результатов, а только то, что результаты, достигнутые в разряде полезных изменений были в огромном большинстве случаев прямым результатом способов культуры, т. е. внешних условий, с изменением которых и они, конечно, были бы другие. Следовательно, в этих случаях собственно не происходило полезных индивидуальных изменений, которые бы человек подметил и накопил, а они были неизбежным последствием внешних влияний.

Главнейшие из полезных изменений домашних животных лежат в том же направлении: увеличение роста, количества мяса, молока, числа приносимых яиц; увеличение жирности и нежности мяса. Все это, очевидно, находится в прямой зависимости от увеличения питания, улучшенного ухода, устранения усталости и изнурения. Все эти изменения, конечно, накопи-

при полезности конечно, совершенно независимо от изменчивости. Но такое растение как *Sajanus*, например, и осталось неизменчивым. Но, тем не менее, говоря вообще, изменчивость оказывается одной из причин, и притом весьма важной, для введения растения в культуру.

Правда, что способность растений и животных выдерживать различные климаты не могла быть принимаема в расчет, ни при выборе, ни при укоренении их в культуре; ибо какая надобность жителям известной страны, возделывающим какое-либо растение, чтобы оно росло и в таких странах, где они не живут? Но зато самая способность выносить различные климаты есть уже ручательство с одной стороны за изменчивость вида (ибо его природа такова, что допускает влияние на себя множества разнообразных условий), а с другой за то, что он распространится и останется в культуре. Тут тоже идет, если угодно, своего рода борьба, только не за существование, а за сохранение в культуре между культурными видами. Если какое-нибудь животное или растение весьма ограничено в своем распространении климатическими и другими условиями; то вместе с племенем приручившим, или начавшим возделывать его, или даже с переменной в племени вкусов и потребностей, должно и оно погибнуть. Следовательно и с этой точки зрения должно признать за животными и растениями, подпавшими под власть человека, значительно большую долю прирожденной изменчивости сравнительно с видами оставшимися дикими.

2) Условия одичания. Мы видим, что Дарвин считает мнение, многими положительно высказанное, что одичавшие животные и растения неизменно возвращаются к своему видовому типу, если выходят из культуры, основанном на весьма малом числе доказательств и в опровержение его приводить несколько фактов, как, например, свиней, одичавших в Южной Америке и Луизиане [*6], цикарок на Ямайке и С. Доминго, причем размеры их уменьшились и ноги их стали черными вместо серых, как у коренного африканского вида [*7], Порто-Сантских кроликов [*8] (см. Прил. II). Но во всех означенных случаях животные эти попали в совершенно иные условия климата и местностей, чем в их первоначальном отечестве, и если внешние условия имеют какое-либо прямое, или даже косвенное влияние на организмы, почему бы им не оказывать его и в таких случаях одичания? Но в то же время он сам приводит примеры возвращения лучших разновидностей анютиных глазок (*Viola tricolor*) к формам совершенно диких растений, как по листьям, так и по цветам, приписывая это недавности образования этих садовых разновидностей [*9], а также описанные Годроном примеры возвращения в дикое состояние турнепса, моркови и сельдерея, объясняя это незначительностью изменений этих растений в культуре, ограничившихся увеличением сочности и размеров некоторых частей. [*10]

Прежде чем разбирать мысли Дарвина об этом предмете, покажем, что мнение о возвращении культурных форм к их дикому первообразу основано вовсе не на таком малом числе доказательств, как утверждает Дарвин, в особенности относительно растений, которым предстояло больше случаев возвращаться в лоно природы, ускользя из рук человека. Случаев этого одичания так много, что вопрос о происхождении и первоначальном отечестве культурных растений и в особенности о первоначальной площади распространения диких прародителей их в очень большом числе случаев остается не вполне разрешенным именно потому, что нельзя определить: непосредственные ли потомки первобытного дикого вида, (от коего произошли и культивируемые породы) находимые в лесах, полях и вообще вне культуры растения, или же они одичавшие потомки уже культурных? В настоящем случае особенную важность имеют для нас те примеры, когда первоначальный дикий вид несомненно существует, и следовательно есть возможность сравнить эти несомненно дикие растения с теми, которые можно считать только одичавшими. Очевидно, что этого затруднения не было бы, если бы одичавшее растение принимало не вполне характер искони дикой формы. Недавно вышедшее сочинение столь опытного ботаника как Альфонс Декандоль: «*Origines des plantes cultivees*», свидетельство которого подлежит тем меньшему сомнению, что автор принадлежит к числу приверженцев Дарвинова учения, доставляет изобильный источник подтверждающих это примеров. Я приведу здесь лишь тот общий вывод, в котором автор резюмирует свои исследования в этом направлении: «Неизвестны», говорит он, «отличительные признаки растений одичавших, происшедших, в течение нескольких поколений от экземпляров, находящихся в культуре, от диких растений, происшедших от предков издревле диких» [*11]. Для желающих ближе ознакомиться с основаниями этого важного для нашей цели вопроса, привожу список тех растений, которые всего более ведут к этому заключению — с относящимися сюда выписками и пояснительными примечаниями (см. Прилож. IV), а относительно животных приведу следующий замечательный пример. «В наши дни находится в Корсике олень, формы коего заставили сравнить его с таксами (*basset*) и рога которого отличаются от рогов европейского оленя. Когда Бюффон добыл молодого оленя этого мнимого вида и поместил в своем парке, он в четыре года превзошел ростом и красотой более старых французских оленей, считавшихся рослыми. Прибавим, что положительные свидетельства Геродота, Аристотеля, Полибия и Плиния утверждают, что при их жизни не существовало оленей, ни в Корсике, ни в Африке. Не очевидно ли, что олень был перевезен с материка на остров, что под влиянием новых условий вид временно изменился морфологически, не потеряв, однако, способности снова принять свои первобытные характеристические признаки на своей родине?» [*12]. Если такое

Самые удивительные и поразительные результаты подбора основаны, как свидетельствует весь первый том «*Прирученных животных и возделанных растений*» Дарвина, на тех изменениях, которые совершались в направлении особенностей вкуса разных любителей-причудников; те же, которые собственно соответствовали действительным нуждам человека, далеко не имеют того же значения, по отношению к отклонению домашних пород от их нормального типа. Так, к числу первых относятся все самые резкие отличия голубей и кур, наиболее изменчивых из животных. Но разве вкусы любителей имеют какую-нибудь преобладающую неизменную норму, к которой породы животных и растений должны бы были прилаживаться, т. е. производить изменения именно в этом, само по себе существующем направлении? Ничуть не бывало, изменения эти происходят без всякой правильности, так сказать, самым капризным образом; а раз происшедши, обращают на себя внимание любителей, которые на основании их и строят уже свои причудливые требования. Следовательно, требования эти определяются теми изменениями, которые почему бы-то ни было и как бы-то ни было уже произошли, а не они их определяют. Они не составляют первобытных и самобытных образов, по которым производилась бы сортировка изменений, определенных критических начал, по соответственности с коими изменения принимались бы для накопления подбором, или отвергались. Появится ли замечательно короткий клюв у породы голубей — и одни любители восхищаются этим и подбирают по этому признаку; появится ли необыкновенно длинный — восхищаются другие любители и также начинают подбирать: и так со всеми признаками, какие бы ни появились, как с действительно красивыми, так и с уродливыми, болезненными. Что же тут удивительного, что появляются признаки, приходящиеся по вкусам любителей, когда в сущности эти вкусы любителей приходятся по появившимся признакам, прилаживаются к ним, каковы бы они ни были, а не наоборот?

Но в природе, при борьбе за существование, дело идет вовсе не так: тут нормы, к которым *volens nolens* должны применяться организмы, под страхом смерти и гибели, существуют самобытно. Пришлось по ним изменение — хорошо, оно получает право жить и накопляться; не пришлось — оно беспощадно обрекается на погибель. Очевидно, что тут идет экзамен чрезвычайной строгости, между которым нет никакой аналогии с тем, какой производится любителями-причудниками, в сущности все одобряющими (то один, то другой), что бы ни появилось.

Что касается до действительно полезных для человека признаков, то тут также конечно существует самостоятельная и самобытная норма для принятия или отвержения появляющихся изменений; но надо полагать, что эти действительно полезные человеку изменения в значительной мере обуслов-

Значит, при всяких условиях: и при действии гибридизации пород (у голубей, кур) и без неё (у золотых рыбок), и при большом сходстве условий с теми, в которых живет коренной вид, и при некотором только подобии их, при жизни в лоне совсем другой природы — стремление возвратиться к коренному типу несомненно существует. Но понятно — это возможно не иначе, как при прекращении тех влияний, которые произвели (будет ли то, как причина, или только как повод) культурное изменение, ибо само собой разумеется, что если они возмogli произвести большее — изменить форму, то возмогут и меньшее — сохранить её. Повалить человека конечно труднее, чем поваленному не дать встать, несмотря на все его барахтанье. Капусту, так сказать, повалили культурой; как же требовать, чтобы, когда продолжают держать её за шиворот и напирают коленкой в грудь тою же культурой, она встала на ноги, т. е. при культуре одичала; и из того, что при этом она не дичает — заключать, что у нее нет и стремления возвратиться к своему первообразу. Это последнее невозможное требование происходит очевидно из смешения двух совершенно противоположных вещей: мнения, общего большинству естествоиспытателей, что домашние организмы возвращаются в первобытное состояние с прекращением культурных влияний, и мнения Нейта о вымирании (а вовсе не об неустойчивости) пород, о кратковременности их существования. В самом деле, что значат иначе слова Дарвина: *«утверждать, что мы не могли бы размножить в продолжение неопределенно большего числа поколений наших скаковых и ломовых лошадей и пр. ... противоречит всему, что нам показывает опыт»* Кроме Нейта и его приверженцев никто этого и не утверждает, и никакого отношения к возвращению к коренной форме, вследствие одичания, это не имеет. Одно действительно противоречить всякому опыту, а другое вполне им подтверждается.

3) Аналогия появления полезных изменений у домашних и у диких организмов.

Если между домашними животными и растениями появлялись изменения полезные для человека, которыми он и воспользовался для накопления их подбором, и без самопроизвольного появления которых он, при всем своем искусстве, ничего не мог бы сделать; то как же не допустить, чтобы подобные, хотя и в другом смысле, благоприятные изменения не происходили, от времени до времени, и у диких организмов, именно в смысле полезности их для самого изменяющегося организма? И действительно, на это не было бы никакого резона, если бы не существовало совершенно особого обстоятельства, которое ограничивает эту аналогию весьма незначительным кругом явлений и даже лишает её почти всякого значения.

возвращение к типической форме могло произойти после изменений, произведенных влиянием климатических и местных условий Корсики, то почему столь же внешние влияния одомашнения могли бы препятствовать такому же возвращению, после их прекращения?

Вообще должно заметить, что мнения Дарвина об этом предмете очень неясны и неопределенны; так он оканчивает свое рассуждение об этом предмете следующими словами: «Тем не менее, я не сомневаюсь, что уже самый факт одичания животных и растений доказывает некоторое стремление возвращаться к коренному состоянию, хотя это стремление и сильно преувеличивалось некоторыми писателями» [*13]. Неопределенность своих заключений об этом предмете приписывает Дарвин трудности определить, что в случаях одичания должно быть отнесено к силе, стремящейся вернуть организм к первоначальному типу, и что к непосредственному и прямому действию внешних влияний. Это выражено им в следующем замечательном месте, которое собственно и должно составить предмет нашего разбора: «Было бы необходимо (при одичании) в предупреждение влияния скрещивания, чтобы только одна разновидность была выпущена на свободу в своем новом отечестве. Тем не менее, так как достоверно, что наши разновидности иногда случайно возвращаются, в некоторых из своих характеров, к прародительским формам, то мне кажется не невероятным, что ежели бы нам удалось натурализовать (т. е. заставить жить вне всякой культуры), или возделывать в течение многих поколений различные породы, например, капусты в очень тощей почве (в каковом случае однако же некоторое действие должно бы быть приписано определенному влиянию тощей почвы), то они в значительной степени или даже вполне возвратились бы к форме их дикого родоначальника. Но удался бы этот опыт или нет — это не составляло бы большой важности для хода наших доказательств, потому что самим опытом жизненные условия были бы уже изменены. Если бы могло быть показано, что наши домашние разновидности обнаруживают сильное стремление к возвращению (в дикую форму), т. е. к утрате приобретенных ими свойств, при содержании их в тех же условиях и в значительном числе экземпляров, дабы свободное скрещивание могло уничтожать, посредством взаимного смешения всякое легкое отклонение в строении, то в таком случае я соглашаюсь, что мы не могли бы делать никаких выводов о природных видах из домашних разновидностей. Но нет и тени доказательств в пользу такого взгляда: утверждать, что мы не могли бы размножить наших ломовых и скаковых лошадей, длиннорогого и короткорогого скота, различные породы домашних птиц и овощей в течение неопределенно большого числа поколений — было бы противоречием всему, что нам показывает опыт» [*14]. Эта выписка, кажется мне, обнаруживает, что мысли Дарвина об этом предмете; как нельзя более сбивчивы и спутаны. Он точно беспоко-

ится о том, как бы и в самом деле не явился опыт, который подорвет всю его теорию, и предупреждает этот результат, наперед соглашаясь с ним, и вместе стараясь лишить его всякой доказательной силы, ставя для него совершенно невозможные и даже ненужные условия.

Ограничив возможность успеха опыта условиями, при которых удача его очевидно невозможна, Дарвин торжествует победу. В самом деле, справедливы ли эти условия, вытекают ли они из самой сущности, *are they fair*, как он сказал бы сам? Что представляют условия культуры относительно изменений, при них происшедших? Если не полные причины, то, во всяком случае, поводы, при которых они совершились. Если они были достаточны, дабы произвести или возбудить в организмах эти изменения, заставить видовой тип уклониться от своей нормы; то тем более, конечно, будут они в состоянии удержать его в этом уклонении, когда оно их же влиянием уже образовалось. И разве не справедливо, но само собою разумеется требование — устранить эти причины или поводы, чтобы измененные формы могли возвратиться к своему типу? Но, говорит Дарвин, в таком случае, что же будет препятствовать приписывать такое возвращение (в котором он сам, в сущности, не сомневается) исключительно действию самих внешних условий, а не присущей видовому типу силе? Препятствовать этому будет следующее неопровержимое соображение. Изменения, соглашается Дарвин с профессором Вейсманом [*15], определяются двумя факторами: природой изменяющегося организма и природой условий. Теперь, из первоначальной формы дикой капусты (*Brassica oleracea*), положим А, образовавшейся и существовавшей при каких-нибудь условиях а, воздействием (отчасти как причина, большею же частью как повод) других внешних условий b, c, d, мы произвели разнообразные породы наших огородных капуст В, С, D и проч., природа которых уже не такова как природа А, а кроме того и природа капуст В, С, D, также и между собою различна. Приобретения, сделанные этими овощами, могут быть сравнены — Дарвин ведь любит сравнения, заимствованные из области политической экономии — с приобретенным капиталом, т. е. накопленным трудом, и очевидно, что состояние отрасли промышленности, обладающей капиталом, уже не то, каково было до его приобретения. Мы подвергаем затем эти формы В, С, D действию внешних условий а, по возможности тождественных с теми, при которых существовала дикая капуста А, и получаем в результате; первоначальную форму А. Разве можно принять это за результат исключительного или хотя бы только преимущественного действия этих внешних условий? Очевидно нет, ибо природа организмов, на которые они действовали, стала совершенно иной. Это тоже самое, что утверждать, что если мы действием температуры кипения воды изменили природу яичного белка и из полужидкого, тягучего,

ния к дикой форме, потому что, как мы уже видели и еще увидим при разборе наследственности, постоянство признаков, по мнению Дарвина, не зависит от древности наследования их. [*20]

5) Культурные формы возвращаются к коренным формам даже при условиях, далеко не тождественных с теми, при которых существуют эти последние, но только несколько им подобных, что доказывают примеры, приводимые Дарвином: свиней одичавших в Луизиане и Южной Америке, цикарок в Ямайке и Сан-Доминго, кроликов в Ямайке и в Порто-Санто. Если же они представляют некоторые не важные отличия от их диких родичей, то иначе это и быть не могло, ибо новые условия, в которые они попали, не могли остаться на них без влияния. Это могло бы служить возражением лишь против тех, кто стал бы утверждать, что стремление возвращения к дикому типу столь сильно, что уничтожает уже совершенно влияние внешних условий, чего никто не утверждает и что само по себе нелепо, ибо в таком случае домашние разновидности вовсе и произойти не могли бы. Следовательно, и та степень возвращения к коренной форме, которая замечается у названных животных при их одичании, имеет полную доказательную силу.

6) Дарвин сам себе противоречит, доказывая, что типические черты вида не возвращаются, а между тем своими же опытами устанавливаем это возвращение при скрещивании пород, которое ведь ничему иному приписать нельзя, как силе нормального типического видового характера. На этом основании и выставляет он совершенно произвольное требование, чтобы предоставлять одичанию только одну породу; но и это, как мы видели, его делу не поможет.

7) Дарвин еще более себе противоречит, с одной стороны доказывая, что и при тождественных условиях старые формы не могут повториться, — ибо эти условия действуют уже не на прежнюю, а на измененную природу существа; а с другой стороны приписывая возвращение пород, происшедших при одомашнении, к дикому типу именно этой тождественности внешних условий, которые однако ведь и тут действовали уже на измененную природу организмов.

8) Наконец, Дарвин еще раз себе противоречит, приписывая внешним условиям такую силу, что они могут обратить культурную форму в дикую, и в то же время не хочет признать, что именно это различие внешних условий составляет настоящую причину того, что иные одичавшие животные (свиньи, цикарки, кролики) не вполне возвратились к своему типу. Таким образом он меряет двумя мерами, обсуждая полезные для его теории и вредные для нее факторы — образ действия, с которым мы еще не раз встретимся.

другие разделяются на два, или вовсе исчезают, положение внутренностей становится неправильным и т. д. — получаются вовсе не путем подбора, а гибридацией каким-либо путем первоначально происшедших разновидностей, очевидно гораздо менее резких, ибо иначе Китайцы не давали бы им смешиваться, а держали бы отдельно, как любители голубей своих турманов и дугышей.

Но вот что произошло в Европе в параллель с происходящим в Китае: «Теперь все эти разновидности, которые сначала были привезены в Европу, произвели длинные ряды поколений, на которые человек не оказывал своего влияния, озабочаясь разделением различных пород, чтобы сохранить их неизменными (т. е. применил начало подбора). При этом достигли того любопытного для философского изучения видов факта, что мало-помалу форма, которую создала природа для этого карася [*18], пластической силой своего развития восприняла свой первобытный тип, так как в водных бассейнах, где мы оставили их размножаться, мы видим уже только рыб, устроенных как и все прочие караси.» [*19]

Резюмируем теперь наши выводы о важном вопросе одичания, который, по собственному выражению Дарвина, мог бы подрвать все его учение:

1) Опыт с одной разновидностью (золотых рыбок), что, по мнению Дарвина, составляет условие, противодействующее возвращению старой формы, т. е. выгодное для его положения, говорит однако же против него, так как коренная форма при этом возвращается.

2) Положение Дарвина, что старые формы не возвращаются, при возвращении старых условий, так как если условия и будут прежние, то сам организм, на который они действуют, уже другой — новый — оказывается неверным, ибо и Анютины глазки, и морковь, и сельдерей, и турнепс фактически возвращаются к своим коренным видовым типам, а про капусту Дарвин не сомневается, что они возвратились бы, если подвергнуть их тем же влияниям, при которых растет дикий вид.

3) Требуемые условия, для доказательности этого возвращения, — совершенно произвольны, неосновательны, и составляют то, что можно и должно назвать пустой отговоркой, un faux fuyant как это очень метко говорится по-французски.

4) Что касается до недавности происхождения садовых форм Анютиных глазок, то это несколько не уменьшает доказательности факта их возвраще-

прозрачного, растворимого в воде, заставив свернуться, обратили в твердую, белую, непрозрачную массу; то стоит только охладить белок до первоначальной температуры, чтобы он снова сделался полужидким, тягучим, прозрачным и растворимым. Этого, как всякому известно, не произойдет, потому что прежняя прохладная температура будет уже действовать на совершенно иное тело, нежели оно было до свертывания жаром. Конечно, обратив жаром воду в пар, мы снова можем холодом обратить пар в воду, но это потому, что теплотою или жаром мы несколько не изменим природы воды, что все изменение ограничилось тут расширением, удалением частичек воды, посредством теплоты, друг от друга, одним словом потому, что в этом изменении участвовала лишь природа внешних условий (изменение температуры), а не природа воды. Но ведь этого для организмов Дарвин не допускает, иначе учение его было бы учением Жоффруа С.-Илера. Органические формы превращались бы одна в другую по прямому и определенному действию внешних причин, неизбежным образом, и подбору нечего было бы делать; ибо если бы форма и выходила негодной и подбор (борьба за существование) уничтожил бы ее — новой более пригодной произойти бы не могло, так как действия жизненных условий были бы уже не поводами, а причинами прямыми и непосредственными, следствия которых должны быть постоянны, неизменны, тождественны, пока сама причина не изменится. Следовательно, и то приблизительное возвращение к дикому типу, которое мы в столь многих случаях замечаем, уже доказывает преобладающую силу видового типа, заставляющую культурные формы возвращаться к себе — силу, без которой это возвращение было бы необъяснимо. В самом деле, без этой возвращающей силы видового типа должно бы было произойти продолжение видоизменения организма в каком-нибудь неопределенном направлении, но отличном и от того, в котором он изменился при культуре, и от того, которое приближает его к прежнему дикому типу.

Если возвращение это оказывается не совершенно полным, как в приведенных Дарвином примерах, свиней, цыплят и кроликов, то очевидно вследствие нетождественности условий, при которых они дичали, с теми, при каких жили в своем отечестве до своего одичания, различие которых и не могло остаться без влияния, ибо это влияние, в известной мере, не отвергается ни Дарвином, ни защитниками постоянства видов. Следовательно, ничего не остается, как приписать и ту степень возвращения к первоначальному видовому типу, которая без сомнения всегда более или менее ясно замечается, не иному чему, как именно этой преобладающей силе видового типа. Таким образом, условная уступка Дарвина, мною подчеркнутая в приведенной выше выписке, о неправильности, недопустимости заключения от домашних пород к диким видам, должна получить значение безусловное.

Рассуждение мое можно представить еще в следующей более разительной форме. Пусть некоторый вид N, давно исчезнувший, произвел, при воздействии на него разных естественных жизненных условий и, возбудивших его изменчивость, при содействии наследственности и борьбы за существование, дикую капусту (*Brassica oleracea*) A, прародителя наших огородных капуст B, C, D . . . . ., которые произошли от A под влиянием внешних условий культуры b, c, d; теперь, влиянием, обратным этим последним условиям—b,—c,—d (т. е. тощей почвой и т. п.), которые предполагаются почти одинаковыми с условиями n, при коих первоначально образовалась и жила капуста A — эти огородные формы возвращаются к типу A. Если бы все дело заключалось в этих внешних влияниях, т. е. если бы p = — b, — c, — d (тощей почвы и т. п.), то очевидно должно бы заключить, что взаимодействие природы организма N и внешних влияний p, как бы N. p (в совокупности с борьбой за существование), совершенно тождественно с взаимодействием B, C, D и того же p (почти тождественных с — b, — c, — d), т. е. как бы с (B C D) и ибо как той так и другой совокупностью взаимодействием организмов и внешних условий, в одном случае N. p, в другом (B C D) и, произведен тот же результат A (дикая капуста). Неужели же это вероятно?? А именно это должно бы иметь место, если бы возвращение культурной капусты (хотя бы и не совершенно полное) к дикому типу было единственно результатом внешних влияний. Если бы это было вероятно или только возможно, то нередко должно бы случаться, что различные животные и растительные формы, будучи подвергнуты на удачу разной совокупности влияний, должны бы давать в результате одинаковые растительные и животные формы, причем старые формы могли бы возвращаться, а Дарвин считает это недопустимым. Вот место, где эта мысль выражена с совершенной точностью и определенностью, и действительно необходимо следует из его учения: «Мы можем ясно понять, почему вид однажды исчезнувший» (хотя капуста *Br. oleracea*, наше A, и не исчезла, но это несколько не изменяет дела, ибо все же она заменена огородными капустами — нашими B, C, D, замесившими ее в культуре) «никогда не возвращается, даже если бы возвратились те же самые органические и неорганические условия жизни» (как это бывает весьма приблизительно при одичании), «ибо хотя потомки одного вида и могли бы быть приспособлены (и нет сомнения, что это случилось в бесчисленных случаях) занять место другого вида в экономии природы» (в нашем случае это были бы одичавшие потомки B, C, D, занимающие снова место A, происшедшего от N) «и этим заместить его; однако же обе формы — старая» (*Brassica oleracea* A, происшедшая от N) «и новая» (также *Brassica oleracea* A, только происшедшая обратным путем из огородных овощей B, C, D) «не будут тождественны, потому что обе наверно унаследуют различные характеры от своих различных прародителей» (т. е. в одном случае от N а в другом от B, C, D), «а организмы уже различные» (каковы без сомнения с одной стороны N а с другой B, C, D) «и

изменяться будут различным образом» (заметьте, при тождественных условиях) [*16]. Из этого всего следует, что и приблизительное возвращение к типической форме свидетельствует о преобладающей силе этой последней, которая начинает действовать с устранением внешних условий культуры, и что требование, чтобы организмы принимали свою дикую типическую форму и при сохранении этих условий — для доказательности фактов одичания — ничем не оправдывается и вовсе излишне. Следовательно, опять таки ничего не остается, как принять, что при одичании действует главным образом преобладающая сила видového типа, а вовсе не исключительно внешние влияния.

Относительно этого вопроса мы можем указать еще на другого рода непоследовательность Дарвина. Исследуя вероятности происхождения домашних голубей и кур от одного или от нескольких коренных видов, он, между прочим, приводит в пользу первого предположения такое доказательство: «При скрещивании различных пород голубей и кур, получают голуби и куры с характеристическими чертами окраски дикого голубя (*Columba livia*) и дикой курицы (*Gallus Bankiva*).» [*17] Но что же означает это явление как не то, что скрещиванием различных пород вообще усиливается изменчивость и приводит голубей и кур к тем видоизменениям окраски, к которым их побуждает стремление возвращаться к свойствам видového типа; или, что признаки отчасти *противуположного направления*, характеризующие породы, как это и должно быть вследствие расхождения характеров, взаимно нейтрализуясь, уничтожаются, как более или менее случайные наслоения, а природа типа всплывает при этом наружу.

Кроме сего, для доказательности опытов одичания Дарвин поставляет еще ограничительное условие. Он требует, чтобы опыт был произведен с одной разновидностью, при большом числе особей; ибо при нескольких породах он опасается, чтобы смешение их не повело к появлению прародительских признаков, как у голубей и кур. На это требование смело можно согласиться, ибо гораздо вероятнее, что постоянная гибридация будет только усиливать изменчивость и производить хаос форм, а не возвращение к видовому типу. В этом удостоверяют нас положительные опыты, как прямые, так и обратные, с золотыми рыбками, уклонения которых могут, по меньшей мере, считаться равносильными с голубиными, как это было указано в своем месте (см. Прилож. II). Сначала посмотрим, как произошло это удивительное разнообразие форм в золотых рыбках. «Китайцы думают, что можно изменять и умножать до бесконечности разновидности золотых рыбок. Искусство занимающихся этим состоит в соответственном смешении пород в тех водах, где они размножаются». Следовательно, эти удивительные изменения, при которых изменяется вся форма тела: одни плавники сливаются,